

Иосиф Бродский и имперский текст в русской поэзии

Евгений Брейдо

Комментарий к стихам Бродского «На независимость Украины»

Eugene Breydo

Commentary on Brodsky's Poem "On the Independence of Ukraine"

Евгений Маркович Брейдо (независимый исследователь; кандидат филологических наук) genebreydo@yahoo.com.

Eugene Breydo (PhD; independent researcher) genebreydo@yahoo.com.

Ключевые слова: русская литература, поэзия, стих, филология, стиховедение, Бродский, Парщикова, Энглунд, Украина, империя, история, имперский синдром в русской литературе

Key words: Russian literature, poetry, poem, verse, philology, metrics, Brodsky, Parshchikova, Englund, Ukraine, empire, history, imperial syndrome in Russian literature

УДК: 801.631+801.653+82-1/29+82-121
DOI: 10.53953/08696365_2023_183_5_223

UDC: 801.631+801.653+82-1/29+82-121
DOI: 10.53953/08696365_2023_183_5_223

В статье дается исторический и филологический комментарий к стихотворению Бродского «На независимость Украины». Основная задача исследования — показать, что перед нами не лирическое стихотворение, а небольшое драматургическое произведение, и мы слышим соответственно не голос автора или лирического героя, а множество разных голосов: современного шведа, осмысливающего уроки Полтавы, российского интеллигента, занятого по сути тем же самым с другой стороны, разного рода русских имперцев. Бродский показывает нам не собственное отношение к независимости Украины, а срез российского и отчасти даже шведского общества своего времени. Предлагаемая статья может послужить началом академической дискуссии об имперской составляющей в русской литературе и, шире, о роли империи в русской культуре.

This paper provides a historical and philological commentary on Brodsky's poem "On the independence of Ukraine". The main goal of the study is to show that this work is not a lyrical poem, but a small dramatic piece, and therefore, when we read it, we hear not the voice of the author or the lyrical hero, but many different voices: a modern Swede, rethinking the lessons of the Poltava battle, a Russian intellectual ironically engaged in the same contemplation, and various kinds of Russian imperialism supporters. Brodsky shows us not his own attitude towards the independence of Ukraine, but rather a cross-section of the Russian and partly even Swedish society of his time. The proposed paper can serve as the beginning of an academic discussion about the imperial component in Russian literature, and more broadly, about the role of empire in Russian culture.

Цель этой работы — предложить читателю необходимый исторический и филологический комментарий к стихотворению, ставшему в последние месяцы, через тридцать лет после написания, отчаянно злободневным. Хотя актуальность, безусловно, важна для судьбы текста, хочу все же увести его с полей политических баталий назад в область поэтического, откуда стихам, тем более таким ярким и сложным, как разбираемый опус, не пристало надолго отлучаться.

Стихотворение начинается словами: «Дорогой Карл Двенадцатый, сражение под Полтавой, / слава Богу, проиграно...»¹ Начало парадоксальное: с детства затверженная, звенящая в ушах пушкинская поэма, наоборот, про то, как важно было выиграть эту битву, как там все здорово вышло и, главное, как эта победа определила дальнейшую судьбу страны. Причем «Полтава» — текст настолько хрестоматийный, что даже не получится сказать, будто знаменитая поэма не приходила в голову автору при написании, а читателю при чтении этих стихов. Однако ритмических отсылок к пушкинскому четырехстопному ямбу здесь нет, близости же стихотворных строк без близости размеров или каких-то указаний на размер обычно не бывает. То есть Бродский не вступает в диалог с «Полтавой». Хотя пушкинское присутствие уже определено. К тому же в последней строке появляются слова «строчки из Александра», образующие с началом семантическую рамку. Но что означает это обращение и кто эти слова произносит? Кто ассоциирует себя со стороной, проигравшей Полтавскую баталию, почему этот проигрыш его радует и зачем сообщать о нем тому, кто ее, собственно, проиграл?

В 1988-м году вышла книга Петера Энглунда «Полтава. Рассказ о гибели одной армии». Речь в ней идет именно о Полтавской битве и о том, почему ее проигрыш в конечном итоге привел к созданию современной процветающей Швеции. Она быстро стала популярной, Бродский если и не читал ее, почти наверняка о ней слышал, например от своего шведского друга Бенгта Янгфельдта. По воспоминаниям того же Янгфельдта, с 1987 по 1992 год Бродский проводил в Швеции каждое лето [Янгфельдт 2012: 33—34], что увеличивает вероятность его знакомства с этим текстом. Во всяком случае, начало стихотворения полностью согласуется с основным посылом книги Энглунда.

Вот что пишет автор в предисловии к русскому изданию: «С точки зрения краткосрочных последствий само собой разумеется, что битва под Полтавой обернулась для шведов катастрофой, однако в долгосрочном плане она, как это ни парадоксально, принесла определенную пользу. В начале XVIII века Швеция вынуждена была тратить огромные средства на содержание военного сектора, который отнюдь не кажется чрезмерно раздутым, если учитывать реальную внешнюю угрозу с нескольких сторон, но который был тем не менее слишком тяжким бременем для хозяйства страны. Развал империи нанес удар по национальной гордости шведов, однако благодаря ему они избавились от этого бремени. И хотя реваншистские настроения присутствовали в стране до конца столетия, эпоха великодержавия раз и навсегда миновала. В результате экономика

---

1 Стихотворение никогда не публиковалось. Здесь и далее цитирую по записи Бродского 1992 года, выложенной в YouTube: <https://www.youtube.com/watch?v=grFRNnPePJw>. В качестве текстового подстрочника использовался список Н. Горбаневской с исправлениями в соответствии с чтением автора. В Интернете есть несколько сайтов с этим списком, ссылаюсь на один из них: http://samlib.ru/w/wow_i_i/iraida-40.shtml (дата обращения: 08.03.2023).

стала постепенно выправляться, выросло благосостояние, увеличилась средняя продолжительность жизни. Как ни странно это звучит, можно сказать, что одна из дорог, приведших к сегодняшнему богатству и преуспеваю Швейции, брала начало именно там, на равнине под Полтавой» [Энглунд 1995: 1].

Прошу прощения за длинную цитату, но привести ее имело смысл, потому что в ней подробно и обстоятельно развернута мысль, сжатая в первых полутора строчках стихотворения — обращении к Карлу. Независимо от того, знал ли Бродский о книге Энглунда, этот первый голос очень похож на голос осмысливающего историю шведа.

Но есть и еще один текст, тесно связанный с началом стихотворения. И Бродский вряд ли мог его не знать. Дело в том, что эти стихи написаны в начале 1992 года, а в 1991-м в Америку приехал Алексей Парщиков. Перед тем как направиться в Стэнфорд, он побывал в Нью-Йорке и познакомился с Бродским. В 1985 году была написана одна из главных поэм Парщикова — «Я жил на поле Полтавской битвы», в следующем году он получил за эту поэму Премию Андрея Белого. Невозможно себе представить, чтобы, беседуя с Бродским, Алексей не упоминал о ней — поэты обычно говорят о стихах, и не в последнюю очередь о своих. ИБ² со своей стороны живо интересовался стихами молодых поэтов, поэтому можно быть практически уверенным, что поэму он прочел. Но если биографические сведения при всей правдоподобности могут казаться косвенными, поэтическая связь двух текстов куда более надежна. Поэма Парщикова написана от первого лица, то есть голос ее героя и есть голос автора. Это важно отметить. Лирического героя поэмы трудно назвать патриотом в том смысле, который вкладывал в это слово Пушкин. Он смотрит на дело не с точки зрения победоносных армий, а скорее с точки зрения вечности³:

Сколько однообразья в солдатах, когда их полки объезжают царь и король!
Все хотели понравиться этой войне, все сияли, но кто же герой?
Отделяется он от рядов, сцепленных так, что ни трусов там нет, ни героев,
как, сойдя со стены, трепеща и прямясь, уплыла бы полоска обоев.

Или вот, например, еще:

Ты, начавший ещё при Петре, муравей, через поле твоё странствие длится!
В гуще боя я б мог продержаться не долее вечности, заголяемой блицем,
в гуще боя я на раскладушке лежал бы в наушниках музыки мира под абрикосой,
перепрячет ли время меня? Переправа. Наушники — мостик над Ворсклой.

Лирический герой ненавидит любую войну, проигрыш сражения для него ничем не отличается от выигрыша, но от проигрыша меньше пустой трескотни и гордости, которая приведет к новым битвам, поэтому он предпочтительней. Герой Парщикова точно может сказать:

Дорогой Карл Двенадцатый, сражение под Полтавой,
слава Богу, проиграно.

---

2 Иосиф Бродский.

3 Тексты Парщикова цитируются по прижизненной публикации на сайте «Вавилон»: <http://www.vavilon.ru/texts/parshchikov1-2.html> (дата обращения: 08.03.2023).

В этом смысле он ничем не отличается от обычного европейского интеллигента нашего времени, шведского или какого-нибудь еще.

Помимо содержательной связи, эти тексты написаны еще и одним размером. Этот размер называется строгим тоническим стихом (СТС, см.: [Брейдо 1996а; 1996б; 2021]). Я также писал о нем в недавней большой статье о Парщикове, для которого данный размер был одним из любимых [Брейдо 2022]. Там подробно разбирается и строгий тонический стих поэмы «Я жил на поле Полтавской битвы». В стихотворении Бродского восемь из десяти четверостиший написаны СТС и два — более расшатанным акцентным стихом с нулевыми интервалами, что позволяет считать все стихотворение написанным СТС⁴. Правда, стих Парщикова длиннее: он преимущественно 6—7-иктный, в то время как стих Бродского 4—6-иктный.

Из сказанного выше можно составить достаточно отчетливое представление, кто обращается к шведскому королю.

Пойдем дальше.

Как говорил картавый,
время покажет — кузькину мать, руины,
кости посмертной радости с привкусом Украины.

Продолжение четверостишия с ключевой фразой «время покажет» — о том, что время иной раз выворачивает наизнанку представления современников, что хорошо и что плохо, что такое победа и поражение. Упоминательная клавиатура первых двух четверостиший очень богата — здесь связаны вместе события разных эпох, и одно, кажется вскользь брошенное, слово описывает целый исторический период, который необходимо хорошо себе представлять для понимания смысла стихов. Начиная со слов «как говорил картавый» это уже не голос шведа, хотя бы потому, что слово «картавый» ничего не говорит шведскому уху. Но так же не похож он и на героя поэмы Парщикова.

Дальше в стихотворении слышно много разных голосов, и ни один из них не звучит как голос автора или хотя бы лирического героя. Да его здесь и нет, потому что это не лирическое стихотворение, а скорее небольшое драматургическое произведение. «Картавый» в данном контексте, видимо, Ленин, чья картавость сомнений не вызывает, хотя картавил и автор стихов. Но о себе без нужды не пишут в третьем лице, а главное, такое название вождя мирового

4 Эта статья не стиховедческое исследование, поэтому ограничусь только двумя краткими замечаниями, касающимися метрики. Замечание первое. В тоническом стихе, в отличие от силлабо-тонического, некоторое количество строк в стихотворении почти всегда оказывается написанным другим размером, поэтому размер определяется статистически: «основным» размером должно быть написано больше строк, чем всеми остальными. Насколько больше, оговаривается исходя из различных условий. Обычно три четверти или около того. Замечание второе. Тексты Бродского, подобные разбираемому мной здесь, в некоторых работах классифицируются как дольники. Это неверно. Дольник — размер с постоянным или правильно чередующимся числом иктов. То есть даже если число иктов переменное, они чередуются регулярно: четырехиктная строчка, трехиктная, снова четьрехиктная, потом трехиктная и т.д. Это фундаментальный признак размера. В данном случае чередование нерегулярное, что говорит о большей расшатанности стиха — икты не чередуются, а изменяются в некотором диапазоне, скажем, от четырех до шести. В таких случаях мы имеем дело уже не с дольником, а с чисто тоническим стихом, в данном случае со строгой тоникой.

пролетариата для Бродского привычно и по смыслу уместно — именно картавый определял границы республик Советского Союза (правда, вместе с «кремлевским горцем» — Сталин служил наркомнацем, народным комиссаром по делам национальностей), в том числе Украины, при нем Украина вначале стала самостоятельной после распада Российской империи, а потом вошла в состав новой советской. Слова «кузькина мать» и «руины» — примеры того, что обычно показывает время. «Кузькина мать» — очевидная аллюзия на Хрущева, который, потрясая в ООН ботинком, обещал показать империалистам «кузькину мать». Но можно понять и так, что время просто показывает нам ту же «кузькину мать» — уж слишком популярная фраза. Слово «руины» указывает на украинскую гражданскую войну во второй половине XVII века между 1657 и 1687 годами. Эта война началась после смерти Богдана Хмельницкого и Переяславской Рады, результатом которой стало вхождение большей части Украины в состав России. Она называлась «Руиной», была долгой, чудовищно жестокой, шла с переменным успехом и в результате закончилась победой России. Левобережное казачество, как обычно исторически и бывало, держалось России, правобережное, предводительствуемое новым гетманом Иваном Выговским, — Польши.

Последняя строчка в четверостишии — очевидный парафраз известного речения «плясать на костях». Казацких, шведских и других костей в украинскую землю закопано, увы, немеряно и не считано, и в посмертных плясках — радостях на этих костях многочисленные интерпретаторы истории никогда себе не отказывают.

Кроме Карла, сражение под Полтавой проиграл еще и Мазепа, и в первых строчках есть, хотя и не прямая, отсылка к проигрышу гетмана — «кости посмертной радости» — это и кости павших в битве запорожцев.

В отличие от Швеции, никакого благополучия в истории Украины никогда не было, и времени из процитированных выше строк ничего не остается, кроме как исправно это показывать. А что случится в будущем — неизвестно. В тексте нет точного указания, кто именно произносит последние две с половиной строчки четверостишия, но нет сомнения, что это наш современник, хорошо знающий историю взаимоотношений Украины с Россией. Хочется назвать эту фигуру рассказчиком. Его голос мы слышим и в следующем четверостишии.

Одна из кровопролитных битв начала Руины состоялась под Конотопом — отсюда первые две строки:

То не зелено-квитный, траченный изотопом, —
жовто-блакитный реет над Конотопом.

Битва закончилась победой левобережных казаков, русские войска были разгромлены, о чем и сообщается во второй строчке. Дальше мостик перекидывается в наше время:

скроенный из холста: знать, припасла Канада —
даром, что без креста: но хохлам не надо.

В Канаде самая большая в мире украинская диаспора. Что касается последней строчки: «даром, что без креста: но хохлам не надо», — то здесь, возможно, обыгрывается легенда о происхождении украинского флага. Якобы Мазепа пе-

ред битвой под Полтавой перенял у Карла XII флаг — желтый крест на голубом фоне. Легенда довольно маргинальная, но не исключено, что Бродский здесь имеет ее в виду.

Остальные строки не нуждаются в детальном разборе, тут меньше загадок, зато важно другое — многоголосие. Отчасти это напоминает «Представление». Парная рифмовка также сближает тексты, хотя в «Представлении» фразы стилизованы под разговорные, между собой не связаны и каждая не только произносится разными персонажами, но и кажется фрагментом другого произведения:

«Ты смотрел Дерсу Узала?»
«Я тебе не все сказала».
«Раз чучмек, то верит в Будду».
«Сукой будешь?» «Сукой буду».
[Бродский 2001: 527]

Или вот это:

«Хата есть, да лень тащиться».
«Я не бл...дь, а крановщица».
«Жизнь возникла как привычка
раньше куры и яичка».
[Там же: 529]

В разбираемом тексте такой отчетливости нет, но четверостишия независимы и отличаются содержанием и степенью экспрессии. Иногда несколько четверостиший — два или три — воспринимаются как одна реплика. Голоса в этой части стихотворения имперские — одни спокойно-нейтральны, другие неприятны, иные совсем отвратительны, но все вполне живые, то есть мы легко опознаем за ними конкретных людей. Однако попробуем расслышать каждый.

Гой ты, рушник-карбованец, семечки в потной жмене!
Не нам, кацапам, их обвинять в измене.
Сами под образами семьдесят лет в Рязани
с залитыми глазами жили, как при Тарзане.

Звучит резонно и даже самокритично. Ничего обидного для украинцев тут нет. Замечу только, что это голос одного из характерных ролевых персонажей, но никак не автора, — хотя бы потому, что еврей Бродский вряд ли станет отождествлять себя с кацапом. А так ничего не изменилось — семьдесят лет не предел, уже за сотню перевалило, и всё живем по-прежнему, как при Тарзане.

Но вот дальше звучит совсем другой голос — этакое русского имперского уродца, хотя и не лишенный злобной лихости. Если первый обвиняет себя, то второй ругает других, причем отборной площадной бранью. Что ж, среди стонников империи попадаются разные люди:

Скажем им, звонкой матерью паузы метя, строго:
скатертью вам, хохлы, и рушником дорога.
Ступайте от нас в жупане, не говоря в мундире,
по адресу на три буквы на все четыре

стороны. Пусть теперь в мазанке хором Гансы
с ляхами ставят вас на четыре кости, поганцы.
Как в петлю лезть, так сообща, сук выбирая в чаще,
а курицу из борща грызть в одиночку слаще?

Думаю, что здесь все понятно: жупан польский, мундир немецкий. Причем все это на уровне мифологии образца XVIII—XIX веков, если не раньше. Упрек, подобный высказанному в последних двух строчках, очень характерен для вывернутого наизнанку русского сознания образца 90-х, когда это было написано. Автору этих строк приходилось не раз слышать его по поводу эмиграции: вы, евреи, можете уехать, а русскому парню куда податься? Эмигрант Бродский вряд ли сам может так думать, зато может точно описать человека, который так думает.

Дальше идет как бы слаженный хор прощания, но с отдельными нюансами.

Прощевайте, хохлы! Пожили вместе, хватит.
Плюнуть, что ли, в Днипро: может, он вспать покатит,
брезгуя гордо нами, как скорый, битком набитый
кожаными углами и вековой обидой.

Здесь ключевая фраза: «брезгуя гордо нами». То есть теми и другими, имперцами и украинцами: чума на ваш разлад, на оба ваших дома. С таким важным дополнением больше похоже на первый голос: «Не нам, кацапам, их обвинять в измене». Во всяком случае, продолжается та же тема: наша жизнь, поведение, обиды не заслуживают уважения. Интересно, что Днепр произносится по-украински: Днипро. Значит, говорящий вполне может оказаться украиноязычным, но выбирающим империю. Однако кем бы мы ни были и что бы ни делали, вспать Днипро не покатит. Моя задача в данном случае не в том, чтобы классифицировать оттенки русского имперского дискурса — это занятие для психолога или политолога, а я всего лишь филолог. Мое дело — различать голоса.

Не поминайте лихом! Вашего неба, хлеба
нам — подавись мы жмыхом и потолком — не треба.
Нечего портить кровь, рвать на груди одежду.
Кончилась, знать, любовь, коли была промежду.

Что ковыряться зря в рваных корнях глаголом!
Вас родила земля: грунт, чернозем с подзолом.
Полно качать права, шить нам одно, другое.
Эта земля не дает вам, кавунам, покоя.

Ой-да левада-степь, краля, баштан, вареник.
Больше, поди, теряли: больше людей, чем денег.
Как-нибудь перебьемся. А что до слезы из глаза,
Нет на нее указа ждать до другого раза.

А это голос человека, обманутого в любовном чувстве. Так, бывает, прощаются с любимыми — резко, жестко, не то чтобы благородно, но искренне. Сформулировано предельно ясно:

Нечего портить кровь, рвать на груди одежду.
Кончилась, знать, любовь, коли была промежду.

Это отношения настолько близкие, насколько вообще возможно, причем не братьев и сестер, а именно любовников. Последние строчки подчеркивают тяжесть разочарования:

А что до слезы из глаза,
Нет на нее указа ждать до другого раза.

Тут нет никакой злости — одна тоска. Это пишет человек глубоко разочарованный, уже не тот, что ругался, и не тот, что говорил о недостойной жизни и вековых обидах.

Мы воспитаны на метафоре народа как одного живого существа. Не множества людей, отличающихся внешним видом, полом, возрастом, уровнем образования, способностями, интересами, образом жизни и т.д., а именно одного существа, не имеющего ни пола, ни возраста, зато снабженного некими характерными, хотя и условными, внешними чертами, испытывающего какую-то одну совместную эмоцию и думающего одну мысль. Метафора фольклорная, и как бы ясно мы ни видели ее наивность, она настолько проросла в язык, сознание, литературу и другие искусства, что все равно идем за ней в полном согласии со знаменитой книгой [Lakoff, Johnson 1980], как шли наши предки тысячи лет назад. Сложная, требующая кропотливого анализа реальность отступает, и земля снова плоская, стоит на трех китах, причем кит — рыба, а народ имеет одно тело, одну душу и одно сознание. Данный случай не исключение: наблюдается обычное следование этой метафоре, и особенно ярко оно проявляется в описании страстной неразделенной любви, поскольку любовь можно испытывать к любому объекту, а в тексте телесная любовь накладывается на другую метафору того же ряда: любовь к родной земле, земле-матери — тут же, естественно, добавляется и мотив родительской любви, сразу в мифологизированном и непосредственном аспектах. Я отнюдь не призываю к жизни или тем более к поэзии без метафор — это было бы абсурдно, однако все дело в пропорции.

До сих пор речь шла о вполне материальной империи и только в последнем четверостишии можно расслышать голос поэта, книжника. Правда, словно в насмешку говорит он о превосходстве собственной культуры:

С Богом, орлы, казаки, гетманы, вертухаи!
Только когда придет и вам помирать, бугаи,
будете вы хрипеть, царапая край матраса,
строчки из Александра, а не брехню Тараса.

Не думаю, что имеет право, хотя бы потому, что сравнение в данном случае бессмысленно, зато чревато ответом, но не стану спорить: таково его мнение. Кто знает, что любой из нас будет хрипеть в смертный час. Совершенно не утверждаю, что поэта зовут Иосиф Бродский, хотя это вполне может быть и он. В данном случае неважно. Правда, воспринимать сказанное чисто эстетически мешает живое человеческое чувство злой обиды на хохлов — «изменщиков», ставшее как бы лейтмотивом стихотворения.

Что же хотел сказать автор, собрав все эти голоса в одной небольшой драме? Цитирую мемуары Янгфельдта: «Это было практической демонстрацией того, в чем он видел главную задачу поэта, а именно: “показать людям истинное положение вещей”. Се человек» [Янгфельдт 2012: 36].

Наверное, этих слов достаточно, но рискну все же немного добавить. В стихотворении нет лирического героя, поэтому мы не знаем, что собственно думает о независимости Украины Иосиф Александрович Бродский, но в нем есть многоголосие, то есть мы слышим высказывания по этому поводу самых разных людей: совсем не имперских — Петера Энглунда и современных шведов, осмысливающих его книгу, нашего российского современника из поэмы Парщикова, а также нескольких русских имперцев, чьи взгляды тоже различны — от честного «не нам, кацапам, их обвинять в измене» и горького «а что до слезы из глаза / Нет на нее указа ждать до другого раза» до злобного «Скажем им, звонкой матерью паузы метя, строго...». Особняком стоит спорное эстетическое утверждение о смертном часе. Видеть все это разнообразие гораздо важнее, чем услышать истинное или мнимое суждение одного поэта. В стихах «На независимость Украины» честно и точно показаны взгляды российского общества той поры, и если бы в свое время они были услышаны и поняты, может быть, это бы помогло нам теперь. Знание, кажется, все же сила. Но в любом случае «неча на зеркало пенять...».

А моя задача филолога применительно к разбираемому тексту состоит не в том, чтобы осуждать или оправдывать ИБ, а в том, чтобы помочь читателю увидеть реальных людей, произносящих стихотворные строчки, расслышать их живые голоса. Этой цели и служит небольшой комментарий, предлагаемый здесь вашему вниманию.

Библиография / References

- [Брейдо 1996а] — Брейдо Е.М. Интервальная модель русской метрики // Вопросы языкознания. 1996. № 4. С. 85—94.
(Breydo E. Interval'naya model' russkoy metriki // Voprosy yazykoznananiya. 1996. No. 4. P. 85—94.)
- [Брейдо 1996б] — Брейдо Е.М. Акцентный стих Маяковского // Русский стих: метрика, ритмика, рифма, строфика. В честь 60-летия М.Л. Гаспарова / Сост. Дм. Бак и др. М.: РГГУ, 1996. С. 51—60.
(Breydo E. Aktsentnyy stikh Mayakovskogo // Russkiy stikh: metrika, ritmika, rifma, strofika. V chest' 60-letiya M.L. Gasparova / Comp. by Dm. Bak et al. Moscow, 1996. P. 51—60.)
- [Брейдо 2021] — Брейдо Е.М. Интервальная модель русской метрики и строгий тонический стих // Вопросы языкознания. 2021. № 5. С. 106—136.
(Breydo E. Interval'naya model' russkoy metriki i strogiy tonicheskiy stikh // Voprosy yazykoznananiya. 2021. No. 5. P. 106—136.)
- [Брейдо 2022] — Брейдо Е.М. Строгий тонический стих Алексея Парщикова // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН. 2022. № 3 (33). С. 96—120.
(Breydo E. Strogiiy tonicheskiy stikh Alekseya Parshchikova // Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova RAN. 2022. No. 3 (33). P. 96—120.)
- [Бродский 2001] — Бродский И. Перемена империи. Стихотворения 1960—1996. М.: Независимая газета, 2001.
(Brodskiy I. Peremena imperii. Stikhotvoreniya 1960—1996. Moscow, 2001.)
- [Энглунд 1995] — Энглунд П. Полтава. Рассказ о гибели одной армии / Пер. со швед. С. Белокришицкой, Т. Доброницкой. М.: Новое книжное обозрение, 1995.

(*Englund P.* Poltava: berättelsen om en armés undergång. Moscow, 1988. — In Russ.)

[Янгфельдт 2012] — *Янгфельдт Б.* Язык есть Бог. Заметки об Иосифе Бродском / Пер. со швед. Б. Янгфельдта. М.: Астрель; Cognus, 2012.

(*Jangfeldt B.* Språkät ar Gud. Anteckningar om Josef Brodsky. Moscow, 2012. — In Russ.)

[Lakoff, Johnson 1980] — *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors we live by. Chicago; London: University of Chicago Press, 1980.